

Олег Сергеев

Путь к Великому

Олег Сергеев

Путь к Великому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279279

ISBN 9785448557248

Аннотация

Юлия недавно потеряла работу. Ощущая душевную пустоту и отсутствие жизненных целей, она таинственным образом оказывается в странном и почти сказочном мире, где ей придется столкнуться с вполне ощутимыми трудностями на пути к тому, кого диковинные обитатели этого мира называют Великим. Однако со временем к ней приходит осознание, что все происходящее вокруг имеет свои страшные причины. Кем в действительности окажется Великий, к которому Юлия столь стремится? И какой выбор ей предстоит сделать?

Содержание

Вступление	5
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Путь к Великому

Олег Сергеев

О.Г. посвящается

*Так выпьем же еще, мой молодой король,
Лихая доля нам отведена:
Не счастье, не любовь, не радость и не боль,
Одна луна, метель одна,
И вьется впереди дорога сна.
По дороге сна, мимо мира людей,
Что нам до Адама и Евы?
Что нам до того, как живет Земля?
Только никогда, мой брат-чародей,
Ты не найдешь себе королеву,
А я не найду себе короля.*

Мельница «Дорога сна»

© Олег Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5724-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Часто в моей жизни возникали такие моменты, когда я неотвратимо начинал задумываться над тем, зачем мы посланы на эту планету. В чем смысл нашего земного существования? И можно ли повернуть время вспять? Можно ли изменить свою судьбу, не меняясь самому? Вопросов были тысячи, а найти на них ответы было, видимо, не суждено. Все-таки человек – довольно ограниченное существо и не только в физиологическом аспекте его земного бытия. Ограничено в первую очередь наше сознание. Слишком многих вещей оно не в состоянии принять, воспринять, в конце концов, просто понять и осознать. Ему проще решить, будто то или иное явление невозможно ни при каких обстоятельствах, а если все же что-то необъяснимое происходит на глазах убежденного скептика, ему достаточно просто убедить свой разум в том, что это либо обман зрения, либо легкое помешательство. В таком случае проще всего окрестить Ньютона или Коперника умалишенными: ведь они верили в существование бородатого деда на облаке, создавшего вселенную. Каких же размеров должен был быть этот дед?.. А такие люди, как Серафим Саровский, не просто верили, но и видели его собственными глазами. Так чье же сознание ограничено – мое или их? И не сделал ли я первый шаг к освобождению, задав себе однажды каверзный вопрос:

зачем я здесь?

Никогда, ни одну секунду своей жизни я не считал себя атеистом в полном смысле этого слова. Скорее меня мучил агностицизм, зародившийся в бурную пору моей одинокой юности, в тот период, когда я впервые спросил себя об этом. Одиночество мое было относительным, т.к. толпа друзей, окружающих меня каждую минуту моей жизни, не давала почувствовать себя ненужным. Но иногда все-таки лучше быть свободным, нежели нужным. Ибо нужен ты всегда кому-то, тратишь драгоценное время на кого-то, решаешь чьи-то проблемы... И подчас даже некогда остановиться и подумать о себе; нет, не об удовлетворении физиологических потребностей – они сами заботятся о себе, не давая забыть о них. Все-таки физиология – это мощный двигатель, вряд ли разуму и душе под силу тягаться с ней. Друзья лишают тебя самого важного – самого себя. Есть среди них и излишне заботливые и понимающие, которые всегда желают прийти на помощь, выслушать – даже тогда, когда мне не нужна ничья поддержка. Все эти человеческие качества мне казались и кажутся всего лишь навязыванием, желанием быть нужным, а не свободным. В юности я сам был подобен этим людям: я мало говорил, но много делал, был спокоен и неумолим, соглашался выслушать и поделиться сам, если находился тот, кто был готов безвозмездно внимать моим речам и даже дать совет, в котором – как я оцениваю эту ситуацию сейчас – я никогда не нуждался. Я терпеливо слу-

шал, шутил, обменивался мыслями с друзьями – наверное, я был им необходим, а мне казалось, они необходимы мне. Это была иллюзия. Единственным моим другом в то время было одиночество. Правда, понял я это не сразу: когда ничего серьезное в жизни не тревожит, когда гормоны важнее душевной боли, когда ты готов бесконечно подстраиваться под окружающий мир и вычеркивать из будней тех, кто кажется тебе странным – разве хочется оставаться один на один с безмыслием и пустотой?

Мне уже тогда хотелось познавать, но природная лень убивала всяческие желания. Одно дело – познание антропологической структуры бытия, его технологичности и эргономичности, совсем другое – пытаться понять самого себя. Ведь внутренний мир-лабиринт куда страшнее внешнего океана, пусть даже в последнем и плавают акулы. Поэтому вопрос о смысле бытия всегда заглушался повседневными делами. Куда проще было дать себе ни к чему не обязывающий ответ: смысл в том, чтобы получать бесконечное удовольствие от своего существования, даже в минуты глубочайшей скорби. Ведь любой приговоренный к смерти будет цепляться за минуты, секунды жизни, чтобы насладиться ей, вдохнуть в последний раз воздух... И никто из них не скажет, что жалеет о чем-то.

Но разум не желал принимать это. Он, будучи вполне зрелым существом, жившим всегда отдельно от меня, требовал объяснений более емких. Он требовал.

Я до сих пор благодарен проснувшемуся чувству одиночества. Просто в какой-то момент сознание буквально возопило: «Оставьте меня!», и я сбежал с очередного мальчишника, только чтобы побродить по ночным улицам и попытаться понять, чего же все-таки мой разум хочет от меня. А он хотел покоя, и только.

Смысл существования я нашел лишь позднее, когда обнаружил свое призвание. А обнаружил я его уже после того, как поступил в университет. Апатия и безволие позволили мне дрейфовать в водах, совершенно чуждых моему внутреннему миру. Лишь получив высшее образование, я смог наконец-то сказать себе: все! Я кардинально меняю свою жизнь! И я ушел туда, где меня ждали.

С тех пор прошло уже почти двадцать лет, и я ни на секунду не пожалел о своем поступке. Смысл существования для меня и заключался в роде моей деятельности. Вернее, поначалу я уныло имитировал действия своих предшественников и учителей, и было это не столько скучным, сколько жестоким и бесчеловечным занятием. Только много позже ко мне пришло озарение: я живу совсем в другом мире, а мои мощные иллюзии пытаются скрыть его от меня. Я сорвал завесу и...

Однако, разум не унимался. В чем глобальное значение нашего пребывания здесь? Можем ли мы что-то изменить? И самое главное: действительно ли мы находимся там, где считаем?

Этот последний вопрос гораздо чаще стал мучить меня около года назад. А возник он после того, как я впервые задумался об органах осязания. Ведь вся наша жизнь и ее восприятие нами зависит именно от этих пяти чувств. Ведь мы никогда не будем есть что-то, о чем наше обоняние сообщит нам, что это дурно пахнет. Не будем трогать нечто, по мнению осязания, противное. И самое главное – зрение. Почему же мы так уверены, что наши глаза нас не обманывают? Даже в отношении цвета. Когда я задумался над этим, то испугался: а вдруг мы действительно «увязли в Матрице», как нам сообщил известный фильм? В этом тоже было какое-то разумное зерно.

А когда с год назад я познакомился с одним человеком, в корне переменившим мою жизнь, то понял, что живу в мире стереотипов, который невозможно сломать. Меня вдруг осенило, что я все тот же Кроха, каким одна удивительная, но так и не понятая мною знакомая прозвала меня в пору моей юности, и я не в состоянии вместить в себя то, что куда грандиознее моего собственного разума. Я, возомнивший себя царем и Богом, ибо сфера мой деятельности вполне позволяла дремавшему тщеславию проснуться и начать бурную жизнь, вдруг рухнул камнем вниз. Я ударился лбом о стену своего сознания – ограниченного сознания. Утешало лишь одно – наличие стены говорило лишь о том, что что-то есть и за этой стеной, что это не конец. Хотя и это понять уже было достижением.

Произошла смена идеалов. Лиза Калитина, до тех пор счастливо царившая на пьедестале с золотой диадемой в волосах, показалась лишь отзвуком какой-то давно забытой мелодии, не имевшей уже никакого отношения к реальности. Это чудо не только не выжило бы в современных условиях воцарения акул, скорее бы оно превратилось в серую мышь и сбежало подальше от глаз людских. И никогда не дало бы мне ключ к пониманию этого мира.

Итак, год назад в мою жизнь вошел человек. Сначала, пока была такая возможность, мы много беседовали, я записывал каждый разговор на диктофон. Впоследствии, когда я лишился и этой возможности, единственным моим утешением был лишь дневник, который я случайно нашел. Я прятал его от Крепса, прятал довольно долго, поскольку обнаружение этого дневника грозило мне сперва просто непониманием с его стороны, а затем уже и роем подозрений, которые на том этапе могли разрушить все – я бы так никогда ничего и не узнал. Я проводил над ним дни и ночи, хотя он содержал довольно мало информации, которая ко всему прочему носила обрывочный характер, хотя я до сих пор удивляюсь, как моему новому знакомому удавалось выкраивать для него время.

Чтобы как-то систематизировать все, что я узнал за минувший период, я и сел писать об этом. Я хотел сам для себя уяснить все события в хронологическом порядке, понять, как все это началось, чтобы как-то объяснить нагрянувший

безрадостный финал.

Дневниковые записи будут здесь сочетаться с той информацией, которую я получил из наших бесед. Моим личным достижением стало не только то, что все это я объединил в общее полотно и третье лицо заменил на первое – я значительно расширил рамки повествования и обратил сумбурный набор фраз, понятных, пожалуй, только посвященным, в то, что сейчас лежит перед вами. Многие места и мне до сих пор не удалось постичь, но я буду работать над ними, буду работать – чтобы быть вооруженным знаниями, прежде чем сам покину этот мир, дабы ступить на Путь Просвещения.

Для начала вот текст, который я сотворил. Я не высказал никаких соображений по данному поводу, т.к. не уверен, что имею на это право. Я сделаю это позже, пожалуй. Хотя этого человека только что не стало...

Зверев С. О.

Глава 1

Перевал сна

Началось все в тринадцатую эпоху Перерождений, уже так давно, что я порой боюсь задумываться об этом. Тогда Бездонное Несоответствие было на грани катастрофы. На грани. Но оно все же выжило, вопреки всем предположениям, вопреки всему. И я рада этому, т.к., покинув его, я, тем не менее, была благодарна и ему, и его обитателям за то, что появилась на свет.

Возможно, в Бездонном Несоответствии прошло не больше года, мы же за этот период прожили целую жизнь. Все-таки я убеждена, что и течение жизни в наших мирах различно.

Тогда мое сознание еще было закрыто для просветления, я многого не знала, хотя окружающим казалась не только вполне вменяемой, но даже очень умной и эрудированной. Я и сама себя таковой считала: если долго внушать что-то человеку, в один прекрасный момент он проснется именно таким, каким его хотят видеть остальные. Хорошо это или плохо – решать не мне. Одно скажу: это неправильно. Человек должен научиться быть тем, кем только он хочет быть. И быть с тем, с кем хорошо будет ему. Быть там, где ему комфортно душой. И жить тогда, когда он предпочтет. Хотя

последнее – из области фантастики, нельзя это не признать.

Жизнь мою в корне изменил Перевал сна. На нашей скорбной планете много еще таких осталось, а, значит, множество найдут свой приют По Ту Сторону Перевала.

Но чтобы не путать тех несчастных, решивших все-таки ознакомиться с моими записями, я начну с самого начала, с того момента, когда я еще целиком и полностью была во власти Бездонного Несоответствия или, что уже прозвучит для многих вполне обыденно, – среднестатистического существования на третьей от Солнца планете.

Однако задумывались ли вы в полной мере над тем, что означает понятие «среднестатистический», т.е. нормальный? Именно в объективном своем представлении. Как может человек, равно как и все прочие состоящий из плоти и крови и обладающий примерно той же удельной массой серого вещества, судить, кто из ему подобных «нормален», а кто – выходит за рамки статистического большинства? Уж если на то пошло и требуется ввести два этих термина, то определения им должны давать не те, кто впоследствии в соответствии с ними и будут классифицированы, ибо увидеть изнутри ни себя, ни тем более остальных, чуждых тебе существ, увы, невозможно.

Чуждых... Именно это слово впервые и натолкнуло меня на мысли о жестокой роли статистики в жизни миллионов людей, изо всех сил старающихся быть как все и не понимающих одной простой вещи – быть «как все» невозможно»,

потому что понятия «все» не существует в природе. Толпа индивидуальностей – вот как можно было бы окрестить наше общество.

Тогда я задумалась, что, вероятно, всех людей с планеты Земля имеет смысл назвать «чуждыми мне». Хотя, впрочем, я не собиралась выделять себя из стада и слово «мне» употребила не столько в отношении своего эго, сколько в том смысле, в котором каждый человек воспринимает собственную личность. Т.е. каждого отдельного человека можно и нужно воспринимать как чуждого другому человеку – эта мысль затронула мое сознание, и с тех пор я уже не знала покоя.

У нас все же есть некие привязанности к тем, кого мы неизменно считаем «близкими», хотя я бы разделила все множество разумных существ на «собственно чуждых» и «объектов стремления». «Собственно чуждые» настолько далеки от нас в ментальной проекции, что даже если и найдутся точки соприкосновения, они вызовут только короткое замыкание – люди не любят быть похожими на других, каждый втайне желает быть неповторимым. «Объекты стремления», как видно из самого названия, тоже несомненно далеки от нас опять же в плоскости нашего сознания, но, будучи приближены к нам в плане физическом, не могут не вызывать некоей привязанности, граничащей с привычкой. Здесь и рождается то самое стремление – быть нужным, угодить, где-то и быть похожим, но опять же в своей уникальной ма-

нере и прочее.

Для каждого, однако же, существует и некая особая сила, магнитом притягивающая к себе. Сила эта до поры до времени далека именно в физическом аспекте, тогда как в ментальном она бывает ближе остальных. В обыденной жизни желание встречи с этой силой подчас называют либо поиском второй половины, либо ожиданием принца на белом коне/принцессы о семи венцах. Кто-то зовет это любовью. Впрочем, я бы определила это иначе.

В тот памятный день я узнала, что могу навсегда лишиться работы. Я сидела в кресле у окна, пытаюсь запечатлеть в голове последние шаткие шаги мороза, обрушившегося на центральную часть России в конце того года. Год я, конечно, могу назвать, с некоторых пор память моя стала светлее. Только мыслить годами – уже не моя стихия. Это случилось в тринадцатую эпоху Перерождений, на самом ее исходе. Любая эпоха, заканчиваясь, втайне желает оставить о себе наиболее яркий след в истории. А тринадцатая, нося еще и отрицательный заряд магического числа, делала все, чтобы запомниться самым отвратительным и мерзким. Заметьте при этом, что она конъюнктурно прикрывала самые грязные свои устремления чистыми и демократическими призывами, а также лучшими побуждениями, родившимися в порыве «восстановить справедливость». Ну, как тут не сказать, что благими намерениями никуда, иначе как вниз, дорогу не выстроишь...

Я сидела у окна, мне было никак – не скучно и не весело, не грустно, не любопытно. У меня уже тогда бывали моменты, когда я спокойно могла ни о чем не думать – т.е. не производить в уме никакие фразы, день ото дня разрушающие серые клетки – ибо это именно то, что имеется в виду под словом «думать». Тогда я еще не умела думать без слов, но была очень близка к этому состоянию. Я была на грани.

Человек на грани опасен и не только для себя. Да, он может сорваться и полететь вниз, если его умений недостаточно на то, чтобы взмахнуть крыльями и взлететь, или не хватает сил, а то и смелости на то, чтобы сгруппироваться и самому прыгнуть вниз и вполне удачно приземлиться. Но, падая, он не только калечит себя, но и делает больно другим, которые в это самое время оказались рядом – он просто обрушивается на них своим весом, весом своего страдания.

Я буду помогать только тем, кто на грани... Ради них самих и ради их близких... Если только таков мой Путь.

Итак, к тому моменту у меня уже было высшее образование, определенный статус и вполне успешно сложившаяся репутация, которая, несмотря ни на что, вредила мне. Немногим дано это понять: как сложно держать планку тогда, когда это уже выше твоих сил. Окружение ждет от тебя подвигов, а ты уже мало на что способен: все-таки грань меняет все в твоей жизни и даже порой заставляет отказываться от самого желанного.

По образованию я была педагогом, но мое призвание так

и не нашло своего выражения в этой профессии. Еще обучаясь в университете, я давала уроки отстающим школьникам, что вызывало во мне лишь раздражение – я с детства не терпела ограниченных людей. Ограниченных и непонятливых, ибо сама схватывала все на лету – ну таково было свойство моего разума. Увы, с образованием моим, однако, в том провинциальном городке, который был моей родиной, стать кем-то иным, кроме учителя, не представлялось возможным. Это я поняла уже на первом курсе, но тогда эйфория от осознания того, что я учусь на самом престижном факультете, захватила меня в свои цепкие пальцы и не отпускала аж до середины последнего – пятого – курса.

Наверное, чисто внешне я вряд ли чем отличалась от себе подобных: глаза только чуть побольше, взгляд – понаивней, раздражительности и злости немного больше, чем у иных. Я терзалась этим странным вопросом: почему? Почему я нетерпима, почему с легкостью воспаляюсь, почему жду внимания к себе, пусть даже и незаслуженного? Вся моя раздражительность и гневливость рождалась самой природой Бездонного Несоответствия. Очень меткое название, между прочим...

Сидела я в тот день у окна, понимая, что, хотя ненастье и не думает сдавать своих позиций, выйти на воздух мне все равно безумно хочется. Раньше такого не было. Я никогда не любила гулять, прослыла заядлой домоседкой и книголюбкой, была бледна, как тургеневская барышня, разве что

в обморок не падала... Сейчас же воздух поманил, захотелось окунуться в его струю, чтобы отогнать от себя дурные предчувствия по поводу работы. Все-таки как безденежье развращает человека, делая его жестоким и завистливым! Не согласна с утверждением, что бедность не порок. Сам факт бедности, разумеется, пороком быть назван не может. Но вот его последствия... В жизни не встречала людей более жестоких, чем неимущие. Но как их обвинять в этом, если Несоответствие ополчилось против них? Это несчастные люди. Им и только им требуется найти Дорогу к Перевалу Сна. Я ее нашла сама.

На улице было прохладно и сыро. Не люблю сырость. Я быстро шагала по мокрым, не совсем еще растаявшим дорожкам и думала, думала... Я думала о том, что стою на самом краю, вот-вот и обрушусь вниз, и некому спасти меня. Я думала о том, что в моей жизни нет ни одного светлого эпизода, одна беспробудная и немая тоска, только тьма и холод. И полное отсутствие того, кому можно было бы просто все это рассказать. Я так углубилась в эти мрачные размышления, так сильно начала себя жалеть, что перестала замечать, куда я иду. Я переходила улицу за улицей, мне сигналили машины, возмущались встречные прохожие – мне было все равно, я была на грани...

Очнулась я только тогда, когда увидела перед собой стену. Это была обычная серая стена, кажется, из бетонных плит, впрочем, тогда я была вряд ли в состоянии рассматривать

ее. Я даже не задала себе вполне закономерный вопрос: где я? Впереди высилась стена, сзади мелькали какие-то дворы, совершенно мне не знакомые. Я хотела пойти назад и постараться найти дорогу домой, но не могла. Здесь я остановлюсь подробнее и попытаюсь объяснить почему. Я прошла очень большое расстояние, на улице уже вечерело, на дворы опускался сумрак... По большому счету, мне было некуда идти. Дом, где ждали меня мама с бабушкой, был мне мил, но там царили пустота и тягостная грусть. Я никогда в жизни не пыталась сама предпринять какой-нибудь серьезный шаг, меня всегда вели, мной руководили, а я тихо подчинялась, ибо всегда предпочитала быть ведомой. А эта стена... Она манила, она влекла, она единственная не поддавалась наступившему сумраку и словно светилась мягким ровным светом. Я не знала, что за ней, возможно, там была строительная площадка или просто велись какие-то работы, но там однозначно было что-то, чего я раньше не видела. И мне вдруг страстно захотелось перешагнуть этот барьер, посмотреть, что там за этой стеной, хоть раз в жизни сделать то, о чем мне с детства втайне мечталось...

Я подошла к стене. Она была высокой и практически гладкой, перелезть через нее, ну, по крайней мере, для меня, не представлялось никакой возможности – совершенно не за что было зацепиться. Я пошла вдоль нее, пытаюсь обнаружить хоть какую-нибудь щель или пролом, а то и просто дверцу, но тщетно. Мало того, что она была отвесной, глад-

кой и глухой, она была бесконечной и тянулась влево и вправо на огромное расстояние, у меня не хватило терпения дойти до конца, и я успокоила себя логичным выводом о том, что, скорее всего, она кажется бесконечной только потому, что построена вокруг чего-то. Вопрос же о том, как за нее проникают те, кому это надо, тогда даже не пришел мне в голову.

Итак, меня мучила только одна проблема: как туда попасть? «Перелезть нельзя, – рассуждала я, – я не самоубийца. Никаких щелей нет, стало быть, просто так тоже не войти. Остается одно: пройти сквозь стену». Это, естественно, была шутка, и я сама улыбнулась своему умению сохранять бодрость духа даже в самых безвыходных, казалось бы, ситуациях. «Та-а-ак, – произнесла я с комической важностью, словно разыгрывая перед кем-то спектакль, – как там у нас проходят сквозь стену? Говорят, разбежаться надо...» Я отошла на несколько шагов, закрыла глаза, разбежалась, внутренне смеясь над своей глупостью, и... врезалась лбом в бетон. Это почему-то не только развеселило меня, но и укрепило решимость «прошибить» эту несчастную стену». Я подняла с земли кусок какой-то металлической трубы и начала изо всех сил колотить им о стену. К моему вящему удивлению, в ней не только не появилось никаких мелких зазоров, что было вполне ожидаемо, но в мертвой тишине даже не раздалось никаких звуков удара. Я колотила сильнее, но создавалось такое впечатление, что я просто пыталась пробить насквозь

воздух. Отбросив в сторону трубу, я подошла ближе к стене и дотронулась до нее – простой бетон... Если кто-то из читателей думает, что я не была удивлена, то он сильно ошибается, я находилась уже на той стадии удивления, когда страх отступает перед любопытством и вопросом: почему?

Я тесно прижалась к ней лбом и ладонями – она не холодила, а словно грела. Закрыв глаза, я представила себе эту самую стену – будто я, наконец, нашла в ней дверь, открываю ее и захожу внутрь... Я прильнула к бетону так плотно, что почти слилась с ним, и несколько минут не открывала глаза, внушая себе, что подхожу к двери, с трудом открываю ее – почему-то именно с трудом – она скрипит, сопротивляется каждому моему движению, но я напеираю, наконец, она распахивается, я стою на «пороге» – образно говоря – и...

Ветер подул мне в лицо, вверху мелькнула чья-то тень... Я открыла глаза: передо мной не было стены, а ладони мои просто повисли в воздухе. Парадокс, но сзади стены тоже не было. И вот тут-то я испугалась. Вместо царившего по ту сторону этой проклятой стены сумрака, вокруг было светло и, я бы даже сказала, почти празднично. Я стояла посреди поля, усыпанного шикарными цветами, за спиной у меня вместо серой бетонной стены возвышалось нечто вроде горного перевала, топорщившегося верхушками хвойного леса. Насколько хватало глаз, тянулось только это бескрайнее и дружелюбное поле, лишь невдалеке виднелось что-то, напоминавшее собой каменную пещеру и небольшой горный

уτες одновременно – впрочем во всех особенностях гористой местности я разбиралась довольно слабо хотя бы потому, что ни разу не была в горах.

Я сделала несколько шагов назад, пытаясь понять, как мне теперь попасть домой. Единственным выходом для меня казался тот покрытый лесом перевал, который расположился как раз там, где должна была быть эта злополучная стена – будь она неладна! Хотя и находился он почему-то гораздо дальше от меня, этот факт я могла объяснить только тем, что «прошла сквозь стену» практически сразу, а все оставшееся время, по всей видимости, просто шла вперед. И длилось это, вероятно, не пять минут, как мне это показалось, а гораздо больше. И в этот момент я впервые увидела его.

Передо мной стоял человек, выросший словно из под земли, или воплотившийся из воздуха – это уж как вам будет угодно. На нем был длинный развевающийся на ветру плащ и сверкающий на солнце шлем – или какое-то подобие шлема. Вот теперь-то я реально испугалась, т.к. не привыкла к тому, чтобы люди возникали просто так, из ниоткуда. В руке он держал огромных размеров копье (я говорю слово «копье», только сравнивая, ибо это было никак не копье, тогда я еще не представляла, как выглядит штерс). Не знаю, что бы на моем месте сделал настоящий храбрец, но я кинулась бежать. Выражение лица этого «человека» было хоть и дружелюбным, но мне в тот миг показалось, что он хочет сделать со мной нечто нехорошее – ведь я проникла сюда без раз-

решения. Возможно, это был охранник, отлавливающий чужаков, подобных мне. В любом случае я не хотела вступать с ним в разговор, ибо и так понимала, что вторглась в чужие владения.

Рассчитывать я могла лишь на два пути отступления – перевал и утес-пещера. Последний находился значительно ближе, поэтому я и ринулась к нему со всех ног. Тогда я совершила свой первый правильный шаг, ибо, метнувшись к перевалу, была бы возвращена в Бездонное Несоответствие в мгновение ока, благо дело тот был все еще для меня в пределах не только видимости, но и досягаемости. Но я помчалась к пещере, поминутно оглядываясь при этом.

Сначала меня охватила бурная радость, что грозное существо, кажется, вовсе и не собиралось преследовать меня, но уже через секунду я поняла, что ошибалась. Человек в плаще взмыл в воздух (этому я уже не удивилась, т.к. поняла, что здесь может твориться любая чепуха) и с огромной скоростью настиг меня буквально в двух шагах от спасительного места. Только подбежав вплотную к утесу, я поняла, что входа в эту якобы пещеру не было. Ну, по крайней мере, видимого. Рассуждать мне было некогда, и я, имея уже опыт прохождения сквозь стены, прижалась лбом к неровной поверхности утеса, вдавила в него ладони и закричала со всей силы: «На помощь!» Последним, что я увидела – стало искаженное злобой лицо существа с копьем, обрушившегося на меня.

Глава 2

Преум

В ушах моих звенело, и я ощущала ломоту во всем теле. Позднее я узнала, что так случается всегда при вхождении в преум. И в первую очередь с непросветленными.

Я присела и попыталась осмотреться. Но меня окружала лишь зловещая тьма. И ничего более. Я почувствовала страх, животный ужас, заползающий в меня из этой тьмы. Страх, от которого никуда не спрячешься, ибо он у тебя внутри. Я давно замечала, что страх бывает двух типов: страх перед чем-то, действительно представляющим реальную опасность, и страх перед неизвестностью. Вот последний из них и был наиболее неприятен. Когда ты видишь перед собой опасность (дикого зверя, обрыв, дуло пистолета), ты, по крайней мере, знаешь, чего можешь ожидать от этого конкретного случая, и даже при удачном стечении обстоятельств избежать неприятных последствий. Когда же ты в полном неведении относительно того, что тебя ждет уже в следующую секунду, кто нападет на тебя, что сделает с тобой – это, пожалуй, самое ужасное, что только может произойти с человеком.

Я попыталась нащупать стену пещеры, через которую я сюда вошла, но вокруг меня было лишь ничем не заполнен-

ное пространство, везде мои руки ощущали лишь холодное дуновение пустоты... Кричать я тоже остерегалась из страха привлечь внимание того, от кого скрывалась. Поэтому мне ничего и не оставалось, как встать и искать свет. Как только я поднялась на ноги и сделала три первых нетвердых шага, в кромешной темноте раздался чей-то голос. Больше всего он напоминал шипение змеи, и из-за этого я не сразу смогла разобрать слова.

– Ты сделала первый шаг, Верная.

– Кто это? – в ужасе спросила я. Я испугалась, что говорю со змеей.

– Я не змея, – предвосхитили мой вопрос. – Все гордятся тобой.

– Кто «все»?

– Просвещенные. И даже Великий.

– Бред какой-то... Какой еще великий? Мне бы выбраться отсюда. Да меня там караулят. Может, поможете?

– Здесь тебе не страшен дромус. В преум ему не проникнуть. Тем более в темный.

– Преум... дромус... О чем вы? Я не понимаю. Кто это – дромус? Тот в плаще и с копьем?

– О, да! Все они носят плащи. Вернее, большинство. Но об этом тебе поведает Теру. Это не моя прерогатива – рассказывать тебе о твоём новом бытии.

– А почему вы назвали меня Верной?

– Это твоё новое имя на пути Просвещения. До того мо-

мента, как ты сможешь выбрать себе имя сама.

– И все-таки я ровным счетом ничего не понимаю!

– Слушай то, что я тебе скажу. Ты задаешь слишком много вопросов, твое сознание еще не готово принять эту информацию. Сначала ты должна пройти первую ступень и обрести ее знаки.

– Ну, и что же я должна сделать, чтоб знаки эти получить?

Голос зашипел еще громче и, казалось, рассердился:

– Ты, верно, действительно не готова к принятию какой-либо информации. Ты ведешь себя, как младенец, требующий объяснения всему, чего он не понимает. Но проходит время, и ребенок этот все осознает без объяснений. Замолчи же! Путь твой сейчас лежит вглубь преума.

– Простите, но я хотела бы уточнить: преум – это та пещера, в которой мы сейчас находимся?

– Да, разумеется. Впредь не перебивай меня, когда я излагаю тебе задание. Итак, путь твой лежит в Кабинет Теру, находящийся в самом сердце преума. Но ты никогда не сможешь найти этот Кабинет, пока не пересечешь Розовую Пропасть. Если ты не найдешь ее, то будешь обречена вечно скитаться во тьме преума, пока не выберешься наружу – а это рано или поздно произойдет – и там попадешь в руки дромуса. Поэтому надо сломать границы привычного тебе миропонимания! Только после этого ты получишь зримый знак, а потом и второе задание. Если ты выполнишь и его, ты пройдешь вторую ступень Посвящения. Ты все поняла?

– В общем, да... Но...

– Никаких «но». Вперед! А я прощаюсь, я сделала и сказала все, что должна была.

– Подождите! – но неведомое существо уже ушло. С его уходом тьма как-то странно рассеялась, но по-прежнему ничего не было видно хотя бы потому, что сюда не проникал солнечный свет, да и здесь ровным счетом не на что было смотреть.

«Итак, – начала рассуждать я, – попытаемся все для себя уяснить. Значит, то существо в длинном плаще называется „дромус“ – это надо запомнить. Оно опасное, иначе эта змея (как я стала называть существо, с которым говорила, ибо совершенно не представляла себе, кто это мог быть) не стала бы так о нем говорить и угрожать им. А пещера эта называется... Боже, как же она называется?... Что-то вроде премии... Нет, скорее „преум“, да, так. Тогда логично, что преум этот нужен для того, чтобы прятаться от дромусов. Ну, теперь мне хоть что-то понятно!»

Вопросов оставалось еще очень много, а самый главный – зачем все это? Почему мне просто нельзя назад домой? Ответить на него мне мог только этот таинственный Теру, именно поэтому я твердо решила умереть, но найти пресловутую Розовую Пропадь.

С каждым моим шагом тьма рассеивалась, и вскоре я уже могла вполне спокойно осмотреться. Изнутри преум больше всего напоминал исполинский лабиринт, гораздо превышаю-

ций свои внешние обманчивые размеры. Возможно, оттого, что основная его часть находилась под землей. Лабиринт – это было хуже всего! В детстве, да и в юности, где я по сей день и пребывала, я очень любила всякого рода ребусы, задачи на развитие мышления и в том числе сложные лабиринты, тем более что в одной из книг была дана подсказка, как найти выход из лабиринта любой сложности. Она проста, как и все гениальное: всего лишь навсего вести левой рукой по стене этого лабиринта (ну, или представить, что это делаешь, если лабиринт существует только на бумаге).

Поэтому я приложила левую руку к стене центрального и самого широкого коридора и отправилась на поиски этой самой Розовой пропасти. Я понятия не имела, как она выглядит и почему она розовая, но если тогда я бы попыталась думать надо всем, чего я не понимала, то, наверное, сразу помешалась, ибо я не понимала ровным счетом ничего! Я шла по коридору бесконечно долго, делала бесчисленное количество поворотов, множество раз заходила в тупики, но всегда возвращалась, неизменно ведя левой рукой по стене. Это продолжалось целую вечность, и я уже отчаялась найти что-либо и села на прохладный каменный пол преума. Я не знала, что мне делать дальше, и была просто в ужасе: со всех сторон меня окружал темный каменный лабиринт, а впереди зияла безрадостная перспектива блуждать тут до тех пор, пока не выберусь наружу прямо в лапы этого дромуса. Самое удручающее заключалось в том, что лабиринт этот был со-

вершенно пуст, ну то есть абсолютно! Там не было сыро, ниоткуда не слышалось звона капель, падающих на каменный пол, нигде не виднелись беспорядочно валяющиеся камни, палки и прочий хлам, чем бывают полны самые обычные пещеры (ну, по крайней мере, я сделала такой закономерный вывод, прочитав изрядное количество приключенческих романов). Даже пыль не покрывала его неровные своды! Когда я снова поднялась на ноги, одежда моя была абсолютно чистой, ну, то есть ровно настолько, насколько она была таковой до этого. Коридоры ответвлялись друг от друга в бесчисленном множестве, и, что самое странное, за эти часы тщетных блужданий я ни разу не прошла по одному и тому же месту. Создавалось такое впечатление, что они меняли свое направление специально, чтобы поиздеваться надо мной. От этого места всего можно было ожидать.

Я уже даже стала подумывать о том, что куда лучше было бы очутиться в лапах дромуса, т.к., по крайней мере, это было живое существо, человек, который хотя бы мог разумно объяснить мне, за что он хочет меня убить. И, к тому же, с чего это я взяла, что этот дромус действительно хотел меня убить? Я сделала этот вывод по глупости, его мне подтвердила «змея», которую я и в глаза не видела. Тут же смекнулось мне, что, скорее всего, я ошиблась, и злом в данной ситуации была эта шипящая дама, т.к. дромус носил такие величественные одеяния, что уже по определению характеризовало его, по меньшей мере, как личность выдающуюся. И я

вновь кинулась по коридорам в бесплодной попытке найти выход. Я кричала, чтобы привлечь внимание этого грозного субъекта, но, вспомнив слова змеи о том, что в преум ему доступа нет, тогда безумно обрадовавшие меня, на этот раз серьезно огорчилась.

Я была в полной растерянности: вокруг ровным счетом ничего не происходило. Ну, в конце концов, я же была здесь не первая! Да, змея что-то бормотала о какой-то ступени просвещения. Да, нет, я вовсе не собиралась никуда посвящаться, ибо уже твердо уверилась в том, что влипла, доверившись непонятно чему. Но мне следовало найти выход, хоть какой-нибудь. И раз здесь бывал кто-то и до меня, значит, это не архисложно.

Что там прошипела змея по поводу моих поисков? Кажется, что-то из области: освободи свой разум, сломай привычные представления. Так, внутри преума мне надо было найти две вещи: выход (что предпочтительнее) или Розовую пропасть. Я начала рассуждать, ибо чем-чем, а отсутствием логики мое мышление не страдало никогда. Значит, надо сломать привычные представления о выходе. Каковы эти представления вообще? Да нет и вовсе никаких представлений, т.к. выход бывал двух видов: первый, находящийся там же, где и вход, а второй – в противоположном конце здания. Первое, безусловно, встречалось чаще. Как же было преодолеть эти представления, когда где бы выход ни находился, он все равно будет выходом – хоть на потолке. Тут как раз

все обыденно и привычно. Я даже, грешным делом, пыталась «пробить стену» уже в третий раз, но, видимо, преум был застрахован от подобных посягательств изнутри и надежно «забронирован». Ключ явно находился не там. Судя по словам змеи, его надо было искать в собственных предрассудках.

Итак, я не смогла выжать ничего подходящего из понятия выхода. Поэтому я принялась за трепанацию «розовой пропасти». Я не знала, что имелось в виду, понимая лишь, что речь идет о какой-то бездне. Я начала бессмысленно повторять: «Бездна... пропасть... ну, что мы имеем? Где находится пропасть? В горах... ну, нет, это не пойдет, я и так тут в какой-то пещере. Что еще?... Ну, это трещина... в земле... ведет глубоко вниз... вниз... вниз!» Вот оно! Слово было найдено! Пропасть, любая пропасть, она вела вниз, да и была внизу. Значит, эту самую Розовую бездну мне следовало искать наверху ну, или на стенах, что почему-то показалось мне абсурдным.

Я посмотрела наверх: своды пещеры были так далеко, словно я стояла на краю бездонного колодца. Сердце мое снова опустилось: как я смогу туда попасть? Стены взмывали к потолку во всей своей отвесности и гладкости... Они даже в чем-то походили на ту проклятую бетонную стену, что привела меня сюда. Но тогда же, вдруг осенило меня, я смогла преодолеть это, казалось бы, непреодолимое препятствие! Я прошла сквозь стену, т.к. мне надо было попасть за нее.

Почему же теперь я не могла взмыть вверх? Ведь это сделал дромус, по виду ничем не отличавшийся от среднестатистического человека, разве что одеждой! Сердце мое ликовало: я чувствовала, что нашла решение. Я не знала пока, как превратить его в жизнь, но оно было!

Я потеряла руки, радостно осознавая, что теперь дело было за малым – оставалось только взлететь. Понимаю, что читателю такая мысль может показаться абсурдом, но, принимая во внимание все необычное, что со мною уже произошло в этом загадочном месте за бетонной стеной, вполне возможно допустить и то, что я смогла бы взлететь. Я напрягла память, пытаюсь представить, как это делал дромус. Его полет не был похож на птичий. Скорее, он сгруппировался и, как ракета, взмыл вверх. Воодушевившись, я прижала руки к корпусу, сжалась и потратила невероятное количество усилий на то, чтобы подпрыгнуть как можно выше. Мне удалось «вспарить», как и обычно, сантиметров на тридцать, а после этого я благополучно «приземлилась». Ничего больше среднестатистического прыжка вверх на месте у меня не получилось. Я хотела было уже расстроиться и потерять надежду, как вдруг вспомнила свою неудачу с «пробиванием стены» – я смогла пройти сквозь нее, только используя силу мысли. Так почему бы и здесь не попробовать поступить аналогичным образом? Я закрыла глаза, сжалась в комок и представила себя – нет, не птицей, ибо крыльев у меня не было, а воланом в бадминтоне. Я по-

чувствовала, как некий игрок ударил со всей силы ракеткой по волану, и тот взмыл вверх с огромной скоростью. Открыла глаза я лишь тогда, когда ощутила резкую боль от удара – взлетев к потолку, что все-таки произошло, я сослепу врезалась в стену лабиринта. И тут же замерла в воздухе. Все мои старания сосредоточиться на самом полете с открытыми глазами были тщетны. Тут-то я впервые и поняла, какой это тяжелый труд – летать. Сейчас, уже пройдя через все это, могу заявить, что учиться летать следует только в закрытых помещениях, желательно именно в первом темном преуме, т.к. на открытых пространствах приобрести соответствующие навыки с открытыми глазами невозможно: там тебе незачем смотреть вокруг, ибо ни во что случайно врезаться ты не можешь. Надо лишь иногда останавливаться и открывать глаза, чтобы правильно определить направление полета. А при попытке уйти от лептона, что случается довольно часто, приходится летать не только над чистым полем и на открытом пространстве. Именно тогда многие и погибали, не выдержав этой безумной гонки или разбившись вдребезги. В преуме же летать с закрытыми глазами просто невозможно.

Я набила себе добрую дюжину синяков и шишек, пока летела вверх. Это заняло очень много времени, т.к. взмыла я быстро – это оказалось самым простым, поскольку задать обычное движение вверх может почти каждый – а вот сам полет проходил очень медленно, в том числе и из-за того, что

я не могла контролировать свои движения, не видела, куда лечу, а с открытыми глазами мне удавалось лишь зависать в воздухе – только и всего...

В конце концов, устав от бесконечных ударов о кривые и сужающиеся кверху стены лабиринта, я заставила себя внутренне сосредоточиться и медленно полетела вверх уже с открытыми глазами. Это длилось бесконечно, но, по крайней мере, я умело лавировала и не ударилась более ни разу. Через некоторое время стены лабиринта внезапно оборвались, и я вылетела на открытое пространство. По всей видимости, под сводами преума лабиринт был уже ни к чему. Я зависла в воздухе и огляделась. Вокруг в пределах видимости не наблюдалось ничего похожего на Розовую бездну, хотя бы даже приблизительно. Я медленно облетела весь этот огромный зал под сводом, прежде чем мое внимание привлекло небольшое светящееся пятнышко слева от меня. Оно было *розового* цвета! Я подлетела к нему поближе, по-прежнему напрягаясь изо всех сил, ибо лететь с открытыми глазами было безмерно сложно. Практически все мои силы были истощены, истрачены на этот изнуряющий полет, я ухватилась за небольшой выступ рядом со сверкающим пятном и позволила себе немного расслабиться и отдохнуть.

Пятнышко действительно светилось изнутри мягким розовым светом, но будучи слишком маленьким, размером с пятирублевую монету, оно уж никак не могло быть пропастью. Хотя... Змея же сказала: «Сломай привычные пред-

ставления!» Так почему же я, допустив, что пропасть эта может быть вверху, под сводами пещеры, что само по себе абсурдно, не могла допустить того, что она может быть такой крошечной? Я протянула руку и дотронулась указательным пальцем до розового света. Палец мой провалился в пустоту, а вслед за ним туда же потянулась и рука – пятнышко затягивало. Конечно, не так, как пылесос, а медленно, мягко и даже – приятно. Я не стала сопротивляться и... провалилась в Розовую бездну.

Это действительно была пропасть. Кругом не было ничего, царил лишь розовый полумрак, свет не резал глаза. Под ногами не ощущалось никакой опоры, да и я уже не летела, а шла по воздуху, который словно сам излучал розовое свечение. Там было так мирно и так хорошо, что я совсем забыла о том, что пропасть эта была лишь путем к совершенно другому месту. Вспомнила я об этом лишь тогда, когда через несколько минут приятной прогулки по розовому воздуху увидела перед собой большую деревянную дверь с огромной ручкой из желтого металла. Я тут же поняла, что это, должно быть, и был тот самый кабинет Тери, который мне следовало найти. Я несказанно обрадовалась этому событию и без колебаний дернула за ручку. Дверь оказалась открытой.

Глава 3

Кабинет Тери

Я шагнула за порог и боязливо осмотрелась. В конце концов, мало ли что могло ожидать меня за дверью; к тому же я уже абсолютно уверилась в том, что иду в логово врага. Поэтому я не собиралась слушать никакие байки о посвящении, просвещении, ступенях и прочем бреде, а лишь хотела добиться от этого Тери, кем бы он там ни был, ответа на вопрос: как мне отсюда выбраться и снова попасть к дромусу.

Комната, в которую я вошла, имела совсем мало общего с тем, что мне приходилось видеть раньше. В ней совершенно не было окон, и я никак не могла обнаружить источник света, наполнявшего ее. Этот свет был совсем особого рода – темноватый, не похожий ни на солнечный, ни на искусственный – неоновый или электрический. Создавалось такое странное впечатление, будто комната сама светилась изнутри. Она была небольшой, но довольно уютной: каменные стены (что закономерно объяснялось ее местонахождением в пещере), мягкий красный ковер на полу, камин, два кресла и книжный шкаф – этим и ограничивалось все ее убранство. Как только я бросила первый довольно беглый взгляд на эту комнату, у меня появилось неприятное ощущение, будто я вижу ее в зеркале. Если вы когда-нибудь рассматривали свою

комнату в зеркало, то вы должны знать, что ее отражение далеко от обыденного вида комнаты. Отражение это настолько неординарно, оно манит, так и хочется шагнуть и увидеть это живую, да и выглядит оно намного реальнее привычного помещения. И вот впервые в своей жизни я оказалась «в зеркале», среди отражений. Чтобы ощутить подобную неуловимость, достаточно просто подойти к зеркалу и хоть раз взглянуть не на себя, а на все, что вокруг.

В кабинете царила таинственная тишина, тишина, которая настораживает, а не дарит покой – подобно затишью перед бурей. По спине моей побежали мурашки, хотя ощущала я себя совершенно надежно – мне нечего было бояться. Почему-то я была уверена, что здесь мне никто ничего плохого не сделает. Мои впечатления напомнили мне детские игры, когда мы рыли пещеры в снегу или обустроивали «комнатку» среди кустов – и, забравшись в сооруженное нами самими жилище, сидели, переглядывались и слушали тишину. Сердце бешено билось, внутри что-то дрожало – было чудо как хорошо, т.к. вокруг нас витал некий ореол волшебства, сказки – которую мы сами и создали. Теперь эти ощущения повторились в полной мере – я едва дышала, чтобы не спугнуть эту уютную и домашнюю сказочность, вместе с тем, однако, наполненную чем-то неприятным, но неуловимым и необъяснимым.

И вот когда волнение мое достигло своего предела, когда окружающая тишина стала не восхищать и возбуждать,

а давить и убивать – в этот самый момент за спиной моей послышалось легкое покашливание. Я вздрогнула и обернулась. В одном из кожаных кресел сидел человек в черном фраке и с бабочкой вместо галстука. Он был хорош собой: русые волосы густыми прядями ниспадали на виски, пронзительные карие глаза внимательно и настороженно смотрели на меня. В удивительно правильных и тонких чертах лица читалась необычайная аристократичность, весь облик незнакомца, его манера держаться, поворачивать голову, складывать руки на груди – все словно говорило о том, что человек этот велик сам по себе, а не своими достижениями. Он медленно встал и изящной пружинистой походкой подошел к камину. Я повернула голову, следя за его движениями, и осторожно спросила:

– Вы Тери?

– Да, – улыбнулся он.

На каминной полке лежал крупный футляр бордового бархата. Тери взял его и протянул мне.

– Что это? – я с удивлением посмотрела сперва на футляр, а затем на незнакомца. Он снова улыбнулся и ничего не ответил мне.

В его глазах я прочла ответ на не заданный мною вопрос и открыла футляр. В нем лежал большой золотой перстень с небывалой величины кровавым рубином. Я вздрогнула и отдернула руку – перстень словно обжег меня.

– Это Зримый знак, – голос Тери прозвучал как-то глухо,

словно он говорил мне это, стоя за каменной стеной, – он твой. Теперь ты должна носить его постоянно.

Перстень был довольно большим, гораздо крупнее моих пальцев, и я, надевая его на безымянный палец правой руки, как подсказывал мне внутренний голос, переживала, что мне придется прикладывать немало усилий, чтоб не потерять его. Но перстень неожиданно сжался по размеру пальца и довольно плотно обхватил его. Я в ужасе подняла глаза на Терри, но тот только улыбнулся. Он снова сел в кресло и пригласил меня сделать то же. Я опустилась рядом с ним и выжидательно посмотрела на очаровательного незнакомца.

– Ты уже прошла Вторую ступень Просвещения, Верная, и получила ее знак. Теперь ты свободна и можешь возвращаться туда, откуда ты пришла.

– Это правда?! – радости моей не было предела. Змея что-то шипела о следующем задании, но она либо запугивала меня, либо что-то перепутала. Новость о том, что я могла идти домой, повергла меня в такой дикий и безудержный восторг, что я готова была броситься Терри на шею.

– Отчего же нет? – он снова улыбнулся.

– Просто... – я замаялась, не зная, стоит ли ему рассказывать о шипении в темноте, но весь облик Терри был столь дружелюбен, его улыбка так тепла и располагающа, что я робко продолжила, – в преуме мне сказали...

– Ах, это! Наша старуха от скуки не знает, чем себя развлечь. Что же она наговорила тебе? Небось, плела истории,

что ты должна тут остаться и выполнить какую-то особую миссию?

– Что-то вроде того. Она сказала, что Вы дадите мне второе задание. Насколько я поняла, ее целью было убедить меня в том, что мне надо задержаться здесь, выполняя некие непонятные мне поручения. Хотя я никак не возьму в толк – в чем смысл моего пребывания здесь и вообще – что это за место?

– Это ее жизненный принцип – пугать бедных жертв ее интриг. Не существуя сама по себе, она всеми способами пытается насолить тем, кто способен в силу своих возможностей бороться с окружающим его миром – и побеждать, более того!..

– Не существуя?..

– В общем, да. Я могу сказать, что ее не существует. Вернее, она не является той, кем себя представляет.

– Но ведь это была змея, я правильно поняла? Говорящая змея? Разве такое бывает...

– Змея, – Теру усмехнулся, моя догадка показалась ему забавной, но вместе с тем не лишенной смысла, – а ведь ты в чем-то права. По сути это змея. Нет, девочка, это не только не змея, но и вообще не существо. Мы называем ее Шипящей Тьмой. Ее никто и никогда не видел в другом обличье, хотя сама она утверждает, что когда-то была подобна нам. Я не верю в это. В Мире Просвещения, конечно, воплощаются все человеческие страхи, и Тьма – это скорее и есть чей-то

страх. Возможно, даже это страх самого Великого. А никак не человек.

– Как же мне выбраться отсюда? Мне поможет дромус, ведь так? Хотя Тьма шептала, что он опасен для меня, я не верю ей. По-моему, шипящее Нечто куда страшнее и опаснее человека из крови и плоти.

– Дромус хотел с самого начала помочь тебе, ведь ты случайно попала в наш мир, а он полон опасностей, подстерегающих тех, кто не рожден в нем и для него. Для того дромусы и существуют и несут свою службу на границе наших миров у Перевала Сна. Очень многие за последние несколько лет пытались проникнуть сюда, но большинство из них были возвращены домой именно дромусами.

– Тогда, – не переставала спрашивать я, – зачем им нужны эти жуткие на вид копья? Ведь ими так просто убить человека!

Тери покачал головой, встал и прошелся по кабинету. Он был великолепно сложен, и я поймала себя на мысли, что никогда в жизни не встречала еще мужчины интереснее его. Он резко повернул голову, взглянул мне в глаза и отрывисто произнес:

– Штерс! Это называется штерс! Да, его можно использовать и как оружие для защиты от лептонов, и как средство нейтрализации статистов, их усыпления.

– Статистов?

– Вас, обитателей Бездонного Несоответствия.

– Обитателей чего? Простите, Теру, у меня слишком много вопросов потому, что, как Вы понимаете, я здесь впервые и с трудом разбираюсь в вашей терминологии. Я уже очень рада, что запомнила дромуса, штерс и преум. . . .

– Мне понятно твое любопытство. И у меня достаточно времени, чтобы удовлетворять его до того момента, когда настанет пора тебе возвращаться домой. Ты и так зашла слишком далеко. Две ступени Просвещения для разумной – это чересчур.

– Я совершенно запуталась. Если Вы позволите, я все же настою на своем вопросе. К тому же своей фразой Вы окончательно сбили меня с толку. Теперь я понимаю, что ваш мир кардинально отличается от нашего.

– От Бездонного Несоответствия. Именно так мы зовем ваш мир. А вас, его обитателей, мы величаем «статистами». А разве это не так? Вы ведь действительно располагаетесь в пределах статистической нормы: вы разумны, рациональны и практичны. Логика и серые клетки у вас управляют эмоциями и чувствами. Предвижу твой вопрос, почему ваш мир был назван именно так. В отличие от нашего Мира Просвещения, ваш мир действительно бесконечен, вернее, бездонен, ибо, по сути, он устремлен вниз, а даже не в сторону. А Несоответствием назван он, поскольку для нас не может соответствовать никаким стандартам идеального или хотя бы приближающегося к идеальному существования. На наш взгляд и для нас ваш мир ужасен. Но это только

с нашей точки зрения, с точки зрения просвещенных и вступивших на путь просвещения. Мы разные и вряд ли сможем понять друг друга когда-либо.

Тебе пора.

– Скажите, я ведь тоже встала на Путь Просвещения – могу ли я теперь считаться по-прежнему статистом? Смогу ли я, как ни в чем не бывало, и дальше жить в Бездонном Несответствии, если я уже получила Зримый Знак второй ступени – этот перстень?

– Верная, хотя лично я против этого твоего имени, – Его дала тебе Тьма, как только ты проникла в преум, – в чем-то ты права, не каждому дано скрыться от своего спасения и счастья там, где ему меньше всего хочется оказаться. Твое вхождение в преум было случайным.

– А была ли закономерной моя встреча с Вами? Ведь меня к Вам направила Тьма. Получается, она тоже желала мне добра и жаждала моего избавления.

– Увы, это не так. Да, Тьма подсказала тебе путь ко мне, но вовсе не за тем, чтобы ты смогла вернуться домой. Вспомни, что говорила она тебе о дромусе, как пугала тебя им – разве не так?

– Да. Но в таком случае я не знаю, кому верить – Вам или ей. Она страшна, безусловно, но какая ей польза от того, что чужак останется в ее совершенном мире? Я могу понять Ваше желание поскорее избавиться от моего навязчивого присутствия в этом мире, поскольку не поверю, что Вас забо-

тит мое существование как таковое. Думаю, вы просто не хотите продолжения данного вторжения. И, поверьте, я разделяю Ваше желание – я сама хочу поскорее убраться отсюда. Но мотивация Тьмы мне никак не понятна. Она хочет навредить вам, вашему миру? Но если она его часть?..

– И, увы, не лучшая... Юлия, все это настолько сложно для вашего понимания... Дело в том, что Тьме, по сути, абсолютно безразличны наши с вами миры. Она живет в независимости от них обоих и раздает те советы, которые посчитает нужным. Ее аргументацию сложно понять разумом, ибо она существо неразумное, поскольку на данный момент времени живет в нашем мире. Она дает прозвища – к примеру, твое – дает указания, в целом ценные и нужные. Она указывает Путь, одним словом. Путь твоего избавления. Но решение за тобой – пойдешь ты по нему или испугаешься Тьмы. Ты уже здесь, ты прошла более половины пути твоего спасения. Время возвращаться домой.

Я кивнула. На душе моей было невероятно спокойно, я ощущала дивное умиротворение и была совершенно уверена в правдивости речей *Тери*.

Сейчас, вспоминая обо всем этом, я удивляюсь – как могла я быть столь наивной и глупой. Хотя, чтобы понять *Тери*, надо было быть либо Просвещенным, либо Великим, либо просто необычайно проницательным человеком. Никем из трех вышеозначенных я тогда не являлась. Мне помогла случайность.

Я поднялась с кресла и пошла к выходу. Тери мягко остановил меня и указал в противоположный угол кабинета, откуда маячил луч света. Я улыбнулась и ринулась к выходу из преума, к милому заветному дромусу. Уже у самой кромки, у края, ступив за который, вернуться назад я уже не могла бы, я подняла руку, чтоб загородиться от ослепительно яркого света, исходящего от трещины в стене комнаты, трещины, которая с каждым мгновением становилась все шире и шире... На руке моей блеснул перстень, и что-то непонятное и неуловимое в игре красок на камне привлекло мое внимание. Я остановилась, повернулась спиной к трещине и принялась внимательно рассматривать рубин.

То, что я увидела, повергло меня в глубокий шок. Несколько секунд я стояла и не могла пошевелиться, ужас объял меня с головы до ног. Я подняла голову и взглянула на Теру. Лицо того было искажено злобой, прежде красивые и идеальные черты были перекошены и испоганены. Глядя прямо мне в глаза, он произнес сквозь зубы:

– Что ты видишь там, Верная?

– Я видела Его... Этого не может быть...

– Его? Кого же это?

– Неверова... Но этого не может быть. Это бред какой-то, галлюцинация...

Я опустила в кресло и начала тереть виски. Что-то прояснялось в моем мозгу.

Если быть до конца откровенной с самой собой – а я

бываю таковой нечасто, в основном пытаюсь обмануть собственные предчувствия и соглашаясь с ними и идя у них на поводу лишь тогда, когда перспектива, от которой они меня «уберегают» и впрямь не радужная; так вот – с самого начала я не была склонна верить Теру. И не знаю даже почему. Возможно, человеческий разум желает верить только тому, что дается ему в первую, а не во вторую очередь. А первым советчиком на моем пути стала змея, Шипящая Тьма, иначе. И хоть ужасен и неприятен был ее незримый облик, но я поверила ей, потому как рядом больше никого не было, кроме дромуса, который с самого начала проявил агрессию по отношению ко мне.

Если бы в тот момент поблизости оказался хоть кто-то мало-мальски мне знакомый и дал совет, как мне поступить – остаться или уйти, я бы незамедлительно ему последовала, поскольку всегда не была склонна брать на себя ответственность за свои поступки. Хотя решение лежало на поверхности: казалось бы, ну что я забыла в этом мире? Кому я была здесь нужна? И кто был нужен мне? Именно на это напирал в своей аргументации Тери. Хотя кто знает – возможно, именно в этом мире я могла бы обрести свое счастье, ведь недаром же он все-таки проговорился, сказав, что я одна из немногих статистов, прошедших вторую ступень Просвещения и получивших Зримый знак.

Мне всегда была свойственна некая сомнительность, я не могла сразу принять решение, пусть даже какое-то мало-

важное. Каждого, кто попадался на моем пути, я сперва проверяла на благонадежность, а только потом решала – доверять ему/ей или нет. Именно поэтому я вдруг испугалась – в самый последний момент, в момент выхода из темного преума. Я испугалась того, что делаю неверный шаг – сколько же в своей жизни я их совершила! Мне нужна была поддержка человека, которому я бы доверяла.

И если бы не лик Неверова, узреть мной в рубине, я никогда бы не решилась на борьбу за место в Мире Просвещения. Никогда.

По сути, я консерватор. Какие бы обстоятельства ни окружали меня и определяли мое существование, пусть даже самые неприятные и негативные, от которых иные люди жаждут избавиться и избавляются при первой же возможности – я, напротив, в попытках избавиться от негатива в моей жизни, так привыкаю к своему состоянию, что не в силах отказаться от нынешней ситуации. Пусть даже ничего, кроме головной боли, она мне не приносит. Возможно, именно поэтому во мне родился дух противоречия в ответ на слова Шипящей Тьмы. Я не хотела менять свою привычную обстановку, я мечтала вернуться домой, хотя меня ждали там только пустота и одиночество.

Я сидела в кресле, эти беспорядочные мысли проносились в моей голове. В рубине я увидела нечто невообразимое и необъяснимое, то, чему мой неподготовленный мозг отказывался верить. Там был Неверов, Артем Неверов – в пол-

ном расцвете сил, прекрасно выглядевший, лоснящийся, ничуть не похудевший Неверов, который манил меня за собой. Он смотрел мне прямо в глаза и звал, звал меня по имени. Он просил меня остаться здесь, в этом непонятном и чуждом нам мире, где мы сможем наконец-таки встретиться и обрести друг друга.

Для того, чтобы возможному читателю стало ясным мое дальнейшее и бесповоротное решение, мне стоит вернуться на несколько лет назад и рассказать о том, что же значил в моей жизни этот человек, что только ему я поверила.

Глава 4

За крестами

Я со всех ног бежала в университет: занятия должны были начаться с минуты на минуту. Была пятница, впереди выходные, а там не за горами и восьмое марта. Пробегая мимо прилавка с газетами и прочей бумажной шелухой, которой торговали на первом этаже любимого учебного заведения, я внезапно вспомнила, что два дня назад забыла купить газету с телепрограммой на следующую неделю. Моя невнимательность не уставала никого удивлять, но с некоторых пор мне стало сходить это с рук – преподаватели – тоже люди, они тоже оценивают студентов, исходя из возможностей последних, а, хотя излишняя внимательность и наблюдательность еще никому в этой жизни не мешали, но и ума, и способностей прибавить могли вряд ли. Этой философии я придерживалась всегда, почему-то в ранг главного возводя то, что дается нам от природы, а не то, чего мы зарабатываем сами. Наверное, именно поэтому впоследствии в моей жизни было много проблем.

Итак, я, недолго думая, подлетела к прилавку и, запыхавшись, прохрипела: «Телесемь есть?» – «Нет, уже все раскупили». Я тупо уставилась на оставшиеся в наличии газеты. Среди них не наблюдалось даже «желтой» Комсомолки.

Вернее, предлагалось нечто, похожее на нее, что я сразу же и приобрела – *faut de mieux*. Засунув в пакет купленный весьма странный выпуск «толстушки», я ринулась на четвертый этаж, т.к. звонок должен был раздаться с минуты на минуту.

Именно эта случайно приобретенная мною газета и сыграла в моей жизни одну из ключевых ролей.

На первой же перемене я мельком проглядела Комсомолку, оставив подробное изучение ее до возвращения домой. На обложке виднелась фотография моих любимых фигуристов – Кати Гордеевой и Сергея Гринькова – в институте я лишь успела прочесть статью, посвященную их отношениям, весьма, кстати, блеклую и поверхностную. Ну а остальные страницы – как и обычно, с конца, – стала изучать уже дома за ужином. Газетка оказалась так себе, содержания примитивного со множеством бессмысленных рубрик. И только листая ее раз, наверное, в пятый, я наткнулась на страничку «Клуб знакомств», содержащую несколько объявлений. В отличие от серых и кратких столбцов в «Из рук в руки», эти объявления сияли пестротой, были подробными, а рядом с каждым красовалась фотография, что было уж вообще невероятно! Изучив каждое из них самым тщательным образом, я наткнулась на центральное лишь в самом конце. Оно значилось под заглавием «Особый случай» и было написано заключенным, осужденным на 17 лет. Справа от текста красовалось лицо кареглазого и белозубого шатена с крупными чертами лица, снятого на фоне какой-то грязной и залитой

краской зеленой стены. Заключение звали Артем Неверов. Ему было 28 лет.

Но, пожалуй, и забыла бы я про это объявление, как и про сотни других, прочитанных мною ранее, если бы не два момента, сразу же привлечших мое пристальное внимание и вызвавших надсадное женское любопытство. Парень осужден был на целых 17 лет, но – по его же словам – не был ни убийцей, ни насильником. Тут же в голове моей зародился целый вихрь предположений, ни одно из которых истинным быть не могло: не приговорили бы его за воровство на столько лет! Равно как и за бандитизм, если трупов-то нет. Это заинтересовало меня настолько, что я в течение нескольких дней мучила всех своих знакомых в попытке докопаться до правды или хотя бы приблизиться к ней.

Второй фразой Неверова, возбуждившей еще более живой интерес с моей стороны, стали слова о том, что его внешность подпадает под теорию Ломброзо. При этом не приводилось никакой конкретики, называется – думай, что хочешь. И если бы его объявление ограничивалось всего двумя фразами о сроке и внешности, я уже решилась бы на радикальные действия. Но плюс ко всему он характеризовал себя как хронического полиглота, любящего философию и кроссворды. Участь моя была предрешена: я ему написала.

Наверное, мой поступок не был до конца честным: он жаждал встретить свою «несбыточную половинку», а получил высокоинтеллектуальное письмо от безумной и сжира-

емой любопытством второкурсницы на десять лет его младше. Представляю теперь, как он веселился, ибо показать я себя постаралась в самом выгодном свете. Мало того, что на мудрость замахивалась, так еще и, злоупотребив его нечаянным заявлением о владении несколькими языками, я от руки переписала довольно длинное, но казавшееся мне безумно красивым стихотворение на французском. В нем рассказывалось, как правильно нарисовать птицу, подробно описывался весь процесс. А в самом конце предлагалось открыть нарисованную клетку и выпустить птаху на свободу. Оригинально, верно?

Письмо ушло, и я забыла о нем, т.к. совершенно не ждала ответа. Написать его заставила какая-то внутренняя потребность, на время затихшая, когда ее удовлетворили.

Прошло около десяти дней, прежде чем пришел ответ. За это время я успела обзавестись крестником, и письмо, оказавшееся на моем столе ровно в мамин день рождения, сыграло роль грома среди ясного неба: неожиданно, страшно, удивительно и... заманчиво!

Мама потрясла длинным конвертом с голубоватым рисунком:

– Что это?! Ты все-таки ему написала?

– Мам, ну я просто хотела пообщаться, задать пару вопросов... Ничего личного и предосудительного!

– А обратный адрес посмотрела? «ОК» – что это? Колония особого режима! За что его посадили – ты хоть об этом

подумала?!

– Да почему сразу особого режима! Он не маньяк, не убийца – за что его в особую-то сажать? Мам, ну я просто пообщаюсь и все. Мне ничего от него больше не нужно. Он интересный человек, а мне сейчас и поговорить-то не с кем...

Это была чистая правда. Я написала Неверову отчасти именно от внутреннего интеллектуального одиночества. У меня было достаточно подруг и друзей, но ох уж эта скука!..

– А адрес свой зачем указала? – тут же встряла неизменная бабушка, которая считала своим священным долгом комментировать все, происходящее в моей жизни. – Вот явятся его дружки сюда и потребуют, чтобы мы их приютили. Да еще и с ножом к горлу...

Стало очень страшно, сердце екнуло, и я осознала свою оплошность: указывать домашний адрес было, конечно, лишним.

– Раз уж так хочешь пообщаться, – вдруг почему-то оттаяла моя вспыльчивая, но отходчивая мама, – соври ему что-нибудь про наш адрес и укажи До востребования.

– Только не местный почтаamt! – снова вскрикнула бабушка. – Еще не хватало мне потом отвечать на вопросы об уголовнике, с которым моя внучка якшается!

Пришла пора, она влюбилась... Доселе я не до конца осознавала смысл слова «любовь», т.к. увлекалась лишь лицами

с обложки или безразличными к моей персоне одноклассниками. Но желание любви лишь искало своей объект. Сейчас я часто задумываюсь о том, не было ли это чувство придуманным от начала и до конца. Появись в тот момент в жизни моей другой мужчина вместо Артема – не влюбилась ли бы я в него столь же страстно и неумолимо?

Мы переписывались полгода. От него я получила всего девять писем – ничтожно мало для того, чтобы хоть поверхностно узнать человека – многое в нем, если не почти все, оставалось загадкой. Я даже так до конца и не смогла понять, действительно ли он влюбился в меня, или все это было ложью, нацеленной на завоевание непорочной девичьей души.

В пользу правдивости его слов говорил лишь один, хотя и весьма спорный факт. О своем чувстве он написал мне лишь однажды, признаваясь в нем с видимой неохотой, даже злясь на себя за то, что потерял голову от девчушки на десять лет его младше. В остальном же он часто срывался на меня, постоянно осуждал за то, что общаюсь с уголовником, в чем-то даже высмеивал, а подчас и грубил. Наверное, все-таки если рассуждать логично и он бы хотел влюбить меня в себя, вел бы он себя несколько иначе: рассыпался бы в бесконечных комплиментах, говорил о любви и уж по крайней мере не критиковал бы.

Переписку пришлось прервать по двум причинам. Во-первых, я настолько влюбилась, что жизнь свою не мыслила без его – пусть хоть только и письменного – присут-

ствия. Увязая в этих новых и неведомых доселе ощущениях, я вдруг совершенно четко осознала, что недалек тот день, когда я готова буду кинуться в омут с головой, лишь бы быть рядом с ним. Брошу родных и умчусь в другой город, чтобы стать женой преступника, главаря банды. Я должна была предупредить приближающееся безумие и разорвала все одним коротеньким письмом.

Во-вторых, как выяснилось впоследствии частично из его последнего письма ко мне, частично из рассказов мамы, к нему в колонию написала мамина знакомая-прокурор с требованием к начальнику колонии запретить Неверову переписку со мной. Все закончилось довольно прозаично.

Случай этот по определению призван был стать всего лишь эпизодом моей жизни, о котором мне – по уверениям того же Неверова – следовало забыть уже месяца через три. Но не только через три месяца, а и через три года личность Неверова по-прежнему не давала мне покоя. Мужчины приходили и уходили, не оставляя в моей душе ни малейшего следа, а девять писем разбойника, уже изрядно потрепавшиеся и выученные мною практически наизусть, сопровождали меня изо дня в день из года в год, не впуская в сердце никого нового.

И вот в глубине камня цвета крови я вновь увидела его лицо – спустя столько лет. Он появился всего на мгновение, чтобы слабым голосом прошептать одно лишь слово: «Останься!»

Я встала с кресла. Бездонное Несоответствие звало и манило, но что мне было делать в мире, где я мало видела чего-то за исключением боли и скуки. Ох уж эта скука! Именно она повергала многих в неведомые дотоле пучины авантюры и безумств. Вернуться домой я могла в любой момент – подойдя к дромусу и вежливо попросив его перекинуть меня за пресловутую бетонную стену, с которой все и началось. А вот снова оказаться здесь было мало осуществимым: кто знает, что у этих дромусов за копье, может, я вполне благополучно забуду обо всем приключении и снова погружусь в серость и беспробудность своих обыденных дней. Неверов оттуда ушел, тогда что было там делать мне?

– Я остаюсь, – тихо произнесла я, не глядя на Тери.

– Ты уверена в этом? – услышала я странно пронзительный его голос.

– Абсолютно. Мне нечего делать там, откуда я пришла.

Я подняла глаза. Тери улыбался:

– Ну что ж... Мне не удалось убедить тебя вернуться. Но это твой выбор и только твой. Ты прошла вторую ступень и можешь быть свободна.

– Вы хотели сказать третью? – удивилась я.

– Нет, именно вторую.

– Но как же? Ведь именно Вы вручили мне перстень, заявив, что это знак прохождения второй ступени. После того, как я набрала смелости и осталась, вопреки Вашим доводам, должна была быть пройдена уже третья ступень...

Тери усмехнулся:

– Забавно. А ты и вправду верная, не зря старуха так тебя окрестила. Иди, – он махнул рукой в сторону разверзшейся щели, из который бил неровный свет, – и если ты и вправду уже стала на путь Просвещения, то сама разберешься с оставшимися четырьмя ступенями.

– Но...

– Ах, да! – он провел рукой по волосам и тяжело вздохнул. – Я могу ответить на три твоих последних вопроса. Но учти – давать подробные ответы я не собираюсь.

Как изменилась его интонация! В ней не было злости, скорее раздражение, ощущение собственного бессилия. Мне даже стало немного жаль его, хоть целей Тери я так и не поняла. В этом и заключался мой первый вопрос.

– Кто Вы? Зачем Вы тут?

– Гм... Я такой же человек, как и ты, впрочем, даже более статист и менее просвещенный, чем это может показаться на первый взгляд. Думаю, мой ответ ничего в твоей голове не прояснил, но большего ты знать пока не должна. Скоро поймешь все сама: в этом мире никто никому ничего не объясняет. Каким будет твой второй вопрос?

– Тьма что-то говорила о пяти ступенях Просвещения в то время, как Вы пророчите мне еще четыре, что вместе с двумя, уже мною пройденными – хоть по моим подсчетам их даже три – составит уже шесть. Кому мне верить?

– Ни Тьма, ни я тебя не обманули. После прохождения

пятой ступени ты будешь вынуждена ступить на шестую. Но поймешь все только тогда, сейчас эта информация будет для тебя бессмысленной. Твой последний вопрос?

– Как я уже поняла, ситуацию с номером ступени, которую я прошла, Вы мне прояснять не собираетесь?

– Со временем ты поймешь все сама. Но я не соврал тебе ни в первый, ни во второй раз. Просто еще полчаса назад ты была другой. За вопрос это я не засчитываю. Итак?

– Змея обещала, что Вы многое мне расскажете о вашем мире. Она обманула? Ведь Вы на все мои вопросы отвечаете: «Узнаешь потом. Поймешь позже».

– Я сказал тебе достаточно. Если ты запомнишь эту малость, то впоследствии тебе будет значительно легче проходить третью и четвертую ступени. Но помни: пока ты еще можешь вернуться в Бездонное несоответствие. После четвертой ступени сделать это будет уже невозможно.

– Я это учту, – кивнула я.

– Ну что ж, прощай. Темный преум тебе уже не нужен, можешь пользоваться светлым. Да, и попрактикуй полеты – желательно где-нибудь в горах.

– Но... – снова начала было я.

– Достаточно. Иди, – он подтолкнул меня к щели. В лицо снова ударил яркий свет.

Я сделала всего один только шаг и тут же обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Тери, но стены преума уже сомкнулись, я стояла все на том же залитом солнцем по-

ле с противоположной стороны невысокой скалы, в которую вошла всего несколько часов назад.

Глава 5

Обучение

Дромусов поблизости не было, и я присела на траву, чтобы хоть как-то привести в порядок разрозненные мысли.

Прошло минут пять, прежде чем я осознала, что просто сижу, ни о чем не думая, и рассматриваю божью коровку, нахально заползшую мне на рукав. Она вела себя так, словно не было никаких различий между Бездонным Несоответствием и Миром Просвещения: и среди дромусов она деловито сучила ножками, и плевать ей было на преумы и Тери. И как же в этот миг я ей позавидовала! Я осталась из-за Неверова, хотя вполне могла бы уже давно быть дома. Осталась из-за скуки своего «бездонного» бытия, из-за давней детской жажды приключений. И мне никто не собирался здесь помогать или что-то объяснять, что более всего меня удручало. По окончании университета прошло уже несколько лет, а мне все еще было трудно привыкнуть жить без надзора, не по указке и без проверки. Я нехотя встала, отряхнула несуществующую пыль с одежды и задумчиво огляделась.

– Попрактиковать полеты, значит... Да еще и в горах... Ну, это мы можем!

Слова Тери выглядели совсем как «домашнее задание», именно поэтому я с готовностью направилась к отдаленной

гряде скал.

Прошло полчаса, а я не приблизилась к ним ни на йоту: то ли они действительно располагались столь далеко, то ли это был мираж, а то ли они и вовсе убегали от меня.

– Пожалуй, я присела на траву, чтобы хоть как-то привести в порядок разрозненные мысли. алы, в которую вошла всего несколько часов назад. стоит все-таки туда «полететь». Иначе третью ступень я не пройду никогда, либо она застигнет меня врасплох, так и не научившуюся летать....

Взмыть вверх не составило ни малейшего труда, а вот направить свой «полет» на восток, к скалам, было уже значительно сложнее. В преуме горизонтальная траектория движения ограничивалась стенами, и если меня чересчур уж заносило вправо или влево – ошибки тут же проявлялись в виде очередного синяка либо ссадины. Что никак не сбавляло на открытой местности. Тут было проще и сложнее одновременно: проще маневрировать, но сложнее перемещаться точно по прямой. Так что, пусть и двигаясь на максимально возможной для себя скорости, у скал я оказалась не ранее, чем через час. Ну, а чем, собственно, не практика?

Поразительно, но именно и только в тот момент я осознала, что совершенно не хочу есть. Я не ела с утра, так как собиралась погулять всего минут пятнадцать. С тех пор прошло уже несколько часов, а желудок по-прежнему вел себя так, словно его совсем недавно накормили тарелкой борща. Отчасти это было хорошо: мне не нужно было заботить-

ся о провианте – все-таки питаться клевером не совсем то, о чем мне мечталось. Хотя с другой стороны эта необъяснимая «сытость» породила во мне довольно странное ощущение, если не сказать больше. Сидя на склоне горы, я вдруг ощутила себя мертвой, не принадлежащей ни одному из живых миров. Поразительная легкость, охватившая меня при этом, слилась в одно целое с пронзительным, почти могильным холодом, покалывавшим меня изнутри. И тут же страх накрыл все мое существо: а что если я и вправду умерла? Просто разбила череп о ту бетонную стену в приступе неконтролируемой злости, и лежит сейчас мое тело в морге, родители рыдают, а душа обретаётся тут – думает, как бы ей быстрее научиться летать. Ситуация сама по себе дикая и невозможная. Да и кроме того до основания разрушающая мои представления о религии и жизни после смерти.

Ну и что это может быть? На рай не похоже – слишком уж неопределенно все как-то, безрадостно: одно поле да горы. Да и враги на каждом шагу подстерегают. Но с другой стороны – какой же это ад? Для ада тут слишком ярко светит солнце, да и помощники находятся, сострадатели, так сказать... Тогда уж скорее Чистилище.

Я погрузилась в эти мысли настолько, что даже не заметила, как рядом со мной кто-то приземлился.

– И ты туда же! – раздался хриплый голос и последовавший за этими словами надсадный кашель.

Метрах в трех от меня сидел кто-то очень похожий на дро-

муса, только вот шлема и штерса при нем не наблюдалось.

– С чего взяла, что умерла-то? Жива ты, живехонька. Давай знакомиться что ли. Я – крепс.

– И что же такое «крепс»? Одна из разновидностей дромуса? И я не знаю, какое имя Вы хотите услышать от меня. В Бездонном Несоответствии меня звали Юлией, а здесь я известна всем скорее как Верная.

Зеленый дромус захохотал, да так громко, что у меня уши заложило. А потом он закашлялся – еще громче прежнего. Это был пренеприятнейший тип «мещанской» наружности с крупным носом и рыжеватыми усами. Но, по всему видно, среди дромусов он занимал не последнее место, ибо держался несколько развязно, да и с виду грозным не казался. Детская же вера в то, что «кто страшнее, тот и старше по званию», испарилась уже много лет назад. Мой новый знакомый выглядел вполне дружелюбно и даже, по-видимому, не собирался на меня нападать. Но все-таки на всякий случай я осмотрелась в поисках светлого преума, понятия не имея о том, как он должен выглядеть. Вполне естественно, что ничего, по моему разумению, похожего на преум, я не обнаружила. И, тем не менее, смело встала и подошла поближе к необычному дромусу.

– Я сказала что-то смешное?

– Мда... – вновь откашлялся крепс. – А, впрочем, ты права. Да, я дромус. Скажу больше – я их главарь! – и он снова захохотал так, словно посчитал дромусов скопищем банди-

тов. Этот тип начинал мне слегка надоедать своим смехом, но любопытство брало верх, и не расспросить его я просто не могла.

– Вы пришли, чтобы забрать меня?

– Отнюдь. Ведь ты же не хочешь возвращаться, так? А раз не хочешь, кто тебя может заставить? Ну, вернем мы тебя в Бездонное Несоответствие. Но ведь ты ж опять сюда дорогу найдешь. Мои люди охраняют сам вход, чтоб сюда не дай Бог кто случайный не приковылял. Ну а если ты уж и после *Тери* твердо решила остаться – насильно возвращать тебя я не посмею, – в интонации крепса сквозил сарказм.

– Да ну? – я слегка расслабилась и подвинулась еще ближе. – Тогда зачем Вы здесь?

– Дорогая, а с чего ты взяла, что мое появление здесь вообще как-то связано с твоей персоной? Я всегда нахожусь только там, где хочу, и не обольщайся по поводу своей сверхзначимости. Хотя... Если хочешь знать мое мнение – тебе не мешало бы вернуться. Все равно ж слиняешь, не пройдя третью ступень. Мало кто ее выдерживает, – крепс вздохнул и уставился на свой ботинок – самый обычный ботинок в мире. – В общем, ладно, некогда мне с тобой тут. Топай давай. Понадобится моя помощь в перебрасывании тебя в Бездонное Несоответствие – свистни, если умеешь, конечно. И я тут как тут, постараюсь помочь тебе вернуться. Ну, бывай!

Он ступил на край скалы и вдруг резко обернулся ко мне:
– А тебе, кажется, уже пора. Посмотри-ка вон туда, – и он

указал пальцем куда-то в направлении бескрайне простирившегося поля. Когда я все-таки сумела рассмотреть бредущую по нему фигуру, крепса рядом уже не было.

Я взмыла вверх и, так и не успев как следует попрактиковать полеты, с большим трудом подлетела к той фигуре. По этому безмолвному полю, в Мире Просвещения, среди дромусов и штерсов брела... моя мама.

Первые несколько секунд я смотрела ей вслед, держась за виски и пытаюсь понять, не бред ли все это. Откуда ей здесь взяться? Если только она не отправилась искать меня. Но нет! Моя мама вызовет милицию, обзвонит все морги и больницы, поднимет на уши весь город, а, если потребуется, то и всю страну, но чтобы проходить сквозь стены?.. К тому же, слишком уж безразлично посмотрела она на меня, шагая мимо. словно зомби. И взгляд ее не выражал ровным счетом ничего!

Кем бы ни был этот невероятный двойник, но моей неугодной мамой быть он не мог никак – это я ощутила практически сразу каждой своей дочерней клеткой. Тем не менее, что-то ныло внутри меня, словно заноза в пальце. Ведь сюда меня направил крепс. Если бы не он, вряд ли бы я заинтересовалась этой одинокой фигурой. И кем бы ни был этот крепс, добра желал он мне или зла, но к маме он послал меня явно не с целью просто поздороваться. В конечном итоге, это невероятное событие могло служить началом третьей ступени Просвещения.

Некоторым из вас, догадываюсь, ужасно скучно читать мои сумбурные умозаключения, предшествующие тому или иному поступку. А у иных и вовсе моя нерешительность может вызвать раздражение. Но иначе как осторожностью свою медлительность я назвать не могу. Именно «осторожностью». При том, что я прошла уже целых две ступени и познакомилась со многими обитателями этого мира, сам он по-прежнему казался мне чужим и диким. Здесь было слишком безлюдно, мне непонятны были все эти ступени, непонятно то, откуда жители знали меня. И если дромусы – это охранники, а *Тери* – ... А кто, в конце концов, такой *Тери*? Я ведь даже ни разу толком не задумывалась об этом. Хотя он более остальных напоминал реального человека из моего мира. Вполне возможно, он и был тем самым Великим, о котором тут трубила каждая букашка – по крайней мере, его манеры, сдержанность и хитрость говорили мне только об одном.

Однако обитателей этого мира что-то было не видать – абсолютнейшая пустыня. И Неверов – скорее всего не более, чем банальная оптическая иллюзия, обман зрения, чары *Тери*... Снова он! Ох уж этот мне *Тери*... Вот кого до конца я понять так и не могла!

Этот самый мир таил опасности на каждом шагу – именно в силу своей необъяснимости и загадочности. Так вот что я должна была подумать, увидев прямо перед собой отстраненное лицо моей мамы, скорее напоминавшей по виду призрака?

В любом случае, прошло не менее десяти минут, прежде чем я решилась и подлетела к «матери».

– Мама! Это ты?

Ответом мне было молчание, да и шелест травы под ее усталыми, еле плетущимися ногами. Я снова подбежала и дернула ее за руку. Мама даже не посмотрела на меня, продолжая идти в неизвестном направлении. Я в отчаянии махнула рукой и полетела к скалам. «Небось, голограмма или мираж, или... чем там у нас еще славятся научно-фантастические романы? А, может, и правда я на другой планете или в будущем?» Сама мысль об этом почему-то так воодушевила меня, что я пролетала среди отвесных горных уступов никак не меньше двух часов, поняв за это время, что научиться летать, как птица или хотя бы даже жук, мне никогда не удастся. Рожденный ползать, как говорится...

Для отдыха я отыскала неплохую расселину и примостилась там. Место оказалось чрезвычайно удобным для обзора, ибо по полю все еще ковылял двойник, то поворачиваясь и возвращаясь обратно, то идя по кругу. Конкретной цели в ее маршруте явно не наблюдалось. И тут я заметила нечто, заставившее меня подняться и более внимательно взглядеться в небо. Откуда-то издалека прямо в направлении «мамы» что-то двигалось. Более всего это «что-то» походило на какой-то бесформенный густой синий туман, испускавший при этом вполне ощутимую даже для меня агрессию. В мгновение ока он очутился рядом с двойником, окутал его, и в этот

самый момент я услышала крик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.